
Алексей ВЕСЁЛКИН

БУМАГА

Очень давний роман у бумаги со мной:
Я сражен чистотой ее и глубиной,
Этим внешним безмолвьем заснеженной чащи,
Что лишь тронешь, а там — целый лес, настоящий
Лес в листе!
И идешь им, бывает, устал,
А рука еще там, все скользит вдоль листа.

Я ПРОВАЛИВАЮСЬ НА ЕГЭ

Я проваливаюсь на ЕГЭ постоянно — на русском,
В аллоформы морфем не вхожу, не справляюсь с нагрузкой
Артикуляционных нюансов и слогораздела
В орфоэпии. И — паникую, не знаю, что делать,
Ведь слова то свои все, я метонимически вижу
Всю их поликативность, — чай, русский, — но смят и недвижим.
Наирусскостейшие слова, не бывает русее!
Парадигмы субморф аффиксальных, а я вдруг рассеян
Перед нейтрализацией признаков субстантивата.
Все вопросы простые, язык то родной — виноват и
Сочинять начинаю... стихи, вот такие, как этот.
И пишу их, пишу их с надеждой, а вдруг как поэту
Мне, неграмотному, их коннотационно зачтут.
И в поту просыпаюсь от фразы «Нет, вам здесь не тут!»
Мысль непостижимая, а... словно расцеловала
Прямо в мозг, и я в норме... до следующего провала.

ФОТОКАМЕРА

Вот в камеру, как в дверь, влетает свет —
Мгновенный срок — и вылетает птицей.
Гляжу на фото и ищу ответ:
Как свет мгновенья смог оборотиться

Алексей Геннадьевич Весёлкин родился в городе Зарайске Московской области в 1959 году. Окончил Тюменское училище (ныне институт) искусств, в 1990 году — ЛВХПУ им. В. И. Мухомовой (ныне Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица) по специальности «Монументально-декоративная живопись». Автор четырех сборников. Лауреат пяти официальных премий в области культуры, литературы и искусства. Участник более 150 выставок, пленэров и симпозиумов, из них более ста международных и всероссийские. Действительный член Академии народного искусства России. Живет в Суздале.

Эпохой, там оставшись на века
Таким, как есть, проникнув в наши лица
Пожизненно. Где мы еще, пока
Все те же, те. И это длится, длится...

РУЧКА ДВЕРИ АКАДЕМИИ

Есть ручки дверные под стать идеально дверям,
А те уже — зданиям в целом, своим матерям.
И эта такая же, витиевато резная,
Изысканна, я ее даже на ощупь узнаю.
Из тысяч тянулась ко мне, я ее целовал
На давних балах своих мыслей ладони овал
И линии жизни своей совмещая с ее.
Мы об руку шли и делили одно бытие.
И вот не стареет, и тянется — как я ей верен! —
Целую в лице ее все эти стены и двери.

СОЛЬ

Как вечный снег вершин лежит, не тая,
Внутри нас соль, земная ли, святая,
Соль соли, нота — годы оседают
На голову — как соль, она седая.
И мы внутри себя уже под нею,
В гранит, теряя гибкость, каменеем,
В базальт — в нас кровь, как море, солоня,
Уже ей тесно, точит, как волна...

В одной пижаме, в тапочке одном,
Как в первый раз, старик глядит в окно
И думает: зима, душа, смотри,
Под снегом мир, как сам я изнутри!

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ПАРК

Сам склоняешься перед огнем, называемым вечным,
И на миг каменеешь, чем — даришь живые цветы —
Монумент — монументу. Замолви, солдат, словечко
У себя там за нас — все мы ступки одной пустоты.
И меж нами контакт — в глубине, за дневною завесой —
И вот этот обряд наш — негласный общественный сговор.
Мы решаем с тобой уравнение двух неизвестных
При одном понимании — нет одного без другого:

Неизвестному нам непосредственно ныне солдату
От потомков, сограждан, ему неизвестных когда-то —
Наш поклон, даже — от (не случайно) случайных прохожих.
Александровский парк наш портал, потому и ухожен...

ПЛЫТЬ

Лодочкой сдвину ладони —
Плыть через мира бездонье,
Из родника зачерпнув
Свет его и тишину.
 Пить отраженья, и тени,
 Соки земли и растений —
 Губ моих жаждущей стынью —
 Плыть через мира пустыню.
Плыть через черную полночь
Лодочкой, звездами полной,
Словно икону целуя,
Пить этот мир. Аллилуйя!